

Можейко Марина Александровна,

Белорусский государственный университет культуры и искусств,
проректор по научной работе, доктор философских наук, профессор

Творчество и язык:

метафора «эротика текста» в постмодернистской культуре

Статья посвящена анализу современной парадигмы рассмотрения языка как нелинейной среды, характеризующейся такими параметрами, как неравновесность, самоорганизация и наличие креативного потенциала (что позволяет сопоставить постмодернистскую философию языка с современными естественнонаучными моделями нелинейных динамик).

Идея линейности являлась доминирующей в европейской культуре на протяжении практически всей ее истории, ибо освоенные до сих пор типы системной организации объектов (от простых составных до развивающихся) могли быть адекватно интерпретированы в этой парадигме. Сегодня в фокусе внимания — как применительно к естественной, так и применительно к гуманитарной сферам — находится идея нелинейности. В современном естествознании очевидным лидером в исследовании нелинейных процессов выступает синергетика, непосредственно осмысливающая себя в качестве концепции нелинейных динамик. Как было отмечено на Международной конференции Общества сложных систем (октябрь 1997), наука сегодня снимает «линейные очки»: синергетика видит целью «защиту нелинейного мышления по всему спектру научных изысканий, от квантовой механики до изучения истории человечества» [10, с. 138-143].

В гуманитарной сфере также могут быть обнаружены аналогичные тенденции. Теоретические построения, предлагаемые сегодня

философией постмодернизма, открыты для рассмотрения в качестве концептуальных моделей нелинейных динамик: нелинейное письмо, нелинейная темпоральность, нелинейная модель динамики бессознательного, «генеалогия» взамен линейной «истории» и т. д. Ведущие представители постмодернизма эксплицитно оценивают презумпции современной философии в качестве порывающих с классическим стилем мышления.

В этом контексте *целью* данной статьи является анализ такой метафоры постмодернистской философии, как «эротика текста», используемой для фиксации тех параметров текстовой (и в целом знаковой) реальности, которые связаны с нелинейным характером динамики последней. В соответствии с этим в *задачи* статьи входит: 1) показать, что указанная метафора в общей системе понятийных средств постнеклассической философии несет вполне определенную семантическую нагрузку, связанную с оформлением в контексте постмодернистской философии языка идеи нелинейности развития языковых сред, что во многом созвучно идеям, развиваемым современными естественнонаучными концепциями нелинейности; 2) выявить содержательные аспекты данной метафоры, показать ее семантическую связь с понятиями языкового творчества и креативного потенциала текста.

Следует, однако, иметь в виду немаловажное обстоятельство терминологического плана. Подобно тому, как, моделируя — в прогностическом режиме — динамику саморазвивающейся системы, философия XIX в. апеллировала к абстрактным сферам предметности, являющимся по своему когнитивному статусу идеальным (теоретическим) конструктом, — точно так же, моделируя новый тип динамики (нелинейные самоорганизационные процессы в хаотических аструктурных средах) и выработывая понятийный аппарат для описания подобных динамик, философия постмодернизма также оперирует идеальными объектами (типа «номадического распределения сингулярностей», «ризоморфных сред» и т. п. — наибольшей мерой конкретности в этом контексте обладают такие постмодернистские концепты, как «письмо» и «текст», семантическая развертка которых опирается на постструктуралистскую лингвистическую традицию).

Соответственно тому обстоятельству, что искомая терминология находится в процессе своего становления, философия постмодернизма демонстрирует целый спектр параллельных понятийных рядов, пред-

назначенных для описания выходящего за рамки прежней исследовательской традиции объекта: текстологический ряд, номадологический ряд и т. п. Кроме того, в силу не окончательной разработанности категориального аппарата философской аналитики нелинейных процессов, для постмодернизма характерно использование мифологических образов (типа «тантрического яйца» в концепции «тела без органов») и тяготение к метафорике (типа дескрипции ризомы как подвижных «колонн маленьких муравьев» у Ж. Делеза и Ф. Гваттари [7, с. 28] и т. п.). Характерна в этом отношении фиксация Ж. Делезом нестабильной среды как предмета номадологической аналитики в качестве «недифференцированной бездны»: по его словам, «перед нами открывается мир, кишаший анонимными... сингулярностями» [6, с. 131].

Следует заметить, однако, что, несмотря на свою метафоричность, данная формулировка схватывает практически все атрибутивные параметры нестабильной системы: от исходной аструктурности как хаоса на микроуровне — до некооперированности «анонимных» (т. е., подобно молекулам-«гипнонам» в синергетике, не открытых и не услышанных другими) микросоставляющих. Несмотря на то, что применительно к текстологической версии постмодернистской философии возможность использования терминологического тезауруса постсосюрианской лингвистики делает ситуацию более прозрачной, тем не менее проблемное поле, охватываемое постмодернистской текстологией, оказывается более широким, нежели это возможно охватить посредством традиционной устоявшейся терминологии.

Так, в качестве типичной в стилистическом отношении может рассматриваться в данном случае констатация нестабильности письма как самоорганизующейся вербальной среды у М. Фуко: «регулярность письма все время подвергается испытанию со стороны своих границ, письмо беспрестанно преступает и переворачивает регулярность, которую оно принимает и которой оно играет; письмо разворачивается как игра, которая неминуемо идет по ту сторону своих правил и переходит таким образом вовне»; в контексте концепции трансгрессии постмодернизм, фиксируя выход мысли за очерчиваемые традиционным языком границы, оперирует такой метафорой, как «обморок говорящего субъекта» [12, с. 130].

Аналогично векторная ориентация неравновесной системы на переход к состояниям, выходящим за те границы, которые дедуктивно

очерчиваются линейной логикой эволюционного разворачивания наличного ее состояния, метафорически фиксируется в постмодернизме посредством сразу нескольких параллельно оформляющихся понятийных рядов, задающих целый веер терминологических версий описания указанного перехода, — причем для фиксации последнего нередко используются и метафорические средства.

Так, в терминологии М. Бланшо осуществление такого перехода сопрягается с состоянием «экстаза» в его этимологическом значении экстазиса как смещения, превосхождения. В этом контексте феномен нелинейного перехода сопрягается М. Бланшо с метафорическим «безнадежным и не ведающим вожделением, <...> вожделением того, чего невозможно достигнуть, и вожделением, отвергающим все то, что могло бы его утолить и умиротворить, стало быть, вожделением того бесконечного недостатка и того безразличия, которые суть вожделение, вожделением невозможности, вожделения, несущим невозможное, <...> вожделением, которое есть достижение недостижимого» [5, с. 76].

Очевидно, что понятий таким образом нелинейный переход может быть поставлен в соответствие с анализируемым синергетикой переходом системы — в процессе бифуркационного разветвления эволюционных путей — к принципиально новому состоянию, возникающему вследствие случайной флуктуации и не являющемуся вытекающим из прошлых состояний системы. Однако терминологическая сопряженность такого перехода в постмодернистских аналитиках с экстазисом сообщает ему специфическую окрашенность, позволяющую выражать подобную интенцию системы посредством понятия «желания». И если совершенно правомерной является высказанная в литературе [8, с. 18] интерпретация постмодернистски понятого «желания» как результата переосмысления феномена интенциональности (в хайдеггеровском и гуссерлианском понимании последней) в духе векторно направленной на текст иррациональной силы, то позволительной представляется и более широкая трактовка семантики «желания» в постмодернизме. Последний, в целом, рефлексивно определяет себя (посредством введенного В. Лейчем термина) как «желающую аналитику», и метафорика желания является для постмодерна практически универсальной.

Исходя из этого, становится понятной интенция постмодерна к своего рода эротизации процесса означивания текста. Так, например,

предлагая понятие «хора» для обозначения исходной «неэкспрессивной целостности, конструируемой импульсами в некую постоянную мобильность, одновременно подвижную и регламентированную», в качестве данных «импульсов» Кристева рассматривает «пульсационный бином "либидо"». Характерны в этом контексте интенции постмодернизма сопряжения текстуальной сферы со сферой телесности: попытки Ю. Кристевой материализовать «хору» в «эрогенном теле», персонифицируемом в фигуре Матери; апелляции Р. Барта к текстуальному «эротическому телу» и т. п.

Так, например, эксплицитно фиксируя антропоморфизм своей системы метафор, Р. Барт успешно эксплицирует посредством последних идею смыслопорождения, — по его словам, «текст... это образ, анаграмма человеческого тела... Но речь идет именно о нашем эротическом теле. Удовольствие от текста несводимо к его грамматическому функционированию, подобно тому как телесное удовольствие несводимо к физиологическим отправлениям организма» [4, с. 474]. Аналогичные внеконцептуальные метафоры, значимые своими коннотативными (в контексте европейской философской традиции) значениями, встречаются и у Ж. Делеза: например — «моя любовь заставляет двоящиеся и ветвящиеся серии резонировать друг с другом» [6, с. 215].

Важную (и практически центральную) роль для передачи феномена неравновесности играет в этой системе выражения постмодернистская метафора «аффекта». Ю. Кристева, например, выделяет особые точки смыслообразования, когда «парадоксальное мгновение антитетической метафоры оказывается мгновением предельного аффекта» [11, с. 104]. Если понятие «желания» выражает в постмодернистском языке общую нестабильность системы, ориентированной на переход в иное состояние, то понятие «аффекта» в этой системе отсчета фиксирует ту особую процессуальную нестабильность самого этого перехода, которая может быть сопоставлена с зафиксированным синергетикой протеканием процессов «с обострением» — в режиме blow up, т. е. «в режиме сверхбыстрого нарастания процессов..., при которых характерные величины... неограниченно возрастают за конечное время» [9, с. 11-12].

В контексте ориентации постмодернизма на исследование феноменов нестабильности, проявляющих не только эволюционный потенциал

линейного разворачивания исходных свойств, но и нелинейный потенциал перехода к радикально новому непредвиденному состоянию, особое значение приобретает осмысление феномена новизны и принципиальной множественности состояний. Механизм возникновения последней оказывается в фокусе внимания постмодернистской философии: как пишут Делез и Гваттари, «поистине мало сказать "Да здравствует множественное!", ибо призыв этот трудно выполнить... Множественное нужно еще создать» [7, с. 11].

Постмодернистская текстология, исследующая нестабильность письма как порождающую плюральную новизну, использует (в силу того, что категориальный аппарат философии постмодерна находится в процессе своего развития) наряду с понятийными средствами пост-соссиорианской лингвистики и метафорическую терминологию, апеллируя к тем семантическим коннотациям, которые обретают используемые конструкты в контексте западной философской традиции. Так, например, Р. Барт обозначает нелинейный характер процессуальности письма как «эротику (в самом широком смысле этого слова)», понимая под таковой «порыв» и «открытие чего-то нового» [1, с. 541]. В контексте «эротики нового» фраза — в отличие от законченного высказывания — «по сути своей бесконечна (поддается бесконечному катализу)» (Р. Барт). Именно поэтому, касаясь проблемы не-финальной вариабельности означивания, семиотической неисчерпаемости текста как самоорганизующейся открытой среды, мы, по формулировке Р. Барта, вступаем в ту «область, которую можно назвать Эросом языка» [3, с. 382]. Согласно оценке Р. Бартом концепции означивания Ю. Кристевой, «теория текста открыто определила означивание... как арену наслаждения» [4, с. 516].

Исходя из этого, созданная самим Р. Бартом текстологическая концепция оценивается им в этом отношении как «гедонистическая теория текста». В постмодернистской системе отсчета смысл (*le sens*) понимается как «порожденный чувственной практикой (*sensuellemen*)», и таковая может быть реализована лишь посредством процедуры чтения: «одно только чтение испытывает чувство любви к произведению, поддерживает с ним "страстные" отношения. Читать — значит желать произведение, жаждать превратиться в него» [2, с. 373]. В акте означивания, однако, проявляет себя, с другой (встречный) вектор желания, идущий со стороны текста: «живое начало текста (без которого,

вообще говоря, текст попросту невозможен) — это его воля к наслаждению» [4, с. 471]. Таким образом, «смысл, будучи воплощенным вожделением, возникает как бы по ту сторону языкового кода» [2, с. 373].

В соответствии с этим текстологическая аналитика артикулируется постмодернизмом как «наука о языковых наслаждениях, камасутра языка», которая постулирует «эротическое отношение» к тексту (Р. Барт). В этой системе отсчета постмодернизм противопоставляет такие типы текстуальных стратегий, как «удовольствие» и «наслаждение», сопрягая их, соответственно, с классической и современной культурными традициями. В системе метафорики постмодернизма аксиологический акцент, таким образом, делается на «наслаждении» в силу нон-финальной процессуальности последнего: желание, смыслопорождая, не останавливается на порожденной семантике как финальной, — в то время как удовольствие предполагает удовлетворение (в данном случае — финальную интерпретацию текста), финализируя в нем желание и фактически прерывая его. В этом контексте постмодернистская текстология обозначает традиционную стратегию отношения к тексту как программную беспристрастность сциентизма, т. е. так называемую «критику», дискретно реализующуюся через «орфографические оргазмы» [4]. Постмодернизм противопоставляет этому семантическую фигуру перманентного асимптотичного желания: «желание имеет эпистемологическую ценность, а удовольствие — нет» [4, с. 510].

В контексте обозначенной метафорики конституируется постмодернистская концепция двух типов текста (соответственно — двух типов чтения), основанная на противопоставлении традиционного (т. е. линейного) «текста-удовольствия» и постмодернистского (соответственно — принципиально нелинейного).

Соответственно, «текст-удовольствие» ориентирует на чтение в традиционном его понимании, т. е. на установление в интерпретационном усилии читателя однозначных соответствий между семиотическими рядами текстовой среды, с одной стороны, и принятыми в той или иной культурной традиции системами значения — с другой, что обеспечивает своего рода дешифровку текста и в перспективе ведет к его исчерпывающему пониманию.

Стабильность семантики символических рядов и аксиологических шкал соответствующей культуры выступает основой возможности

конституирования понятий «корректного прочтения», «правильной интерпретации», «полного понимания» текста как объективного итога прочтения. Субъективно переживаемым итогом прочтения «текста-удовольствия» является, по Р. Барту, получаемое читателем «удовольствие от текста», т.е. разрешение его читательских ожиданий, удовлетворение как выражение исчерпывающей завершенности процесса. Процессуальность отношения читателя к тексту, артикулированному в качестве «текста-удовольствия», Р. Барт интерпретирует в качестве «комфортабельного чтения» [4].

В противоположность этому, постмодернистское видение текста артикулирует его в качестве текста-наслаждения, характеризующегося принципиальным отсутствием: а) семантики, обеспеченной внетекстовым онтологическим гарантом (презумпция «пустого знака» и отказ от «трансцендентального означаемого»); б) фиксированного семантико-аксиологического центра и, в целом, 3) стабильной структуры.

Смысл текста конституируется в этом контексте как находящийся в перманентном процессе становления, понятого как принципиально нон-финальное, т. е. не результирующееся в окончательном прочтении текста как наделении его однозначным смыслом. Программной стратегией отношения к подобному тексту выступает в постмодернизме стратегия означивания, предполагающая прослеживание возможных плюральных «путей смыслообразования», чему соответствует не выявление структуры, а прослеживание процессуальной и принципиально не результирующейся в структуру «структуриации» текста. В рамках подобного подхода сам текст артикулируется, по Р. Барту, в качестве процессуального «текста-наслаждения».

Поскольку наслаждение процессуально, постольку, по Р. Барту, желание, смыслопорождая, не останавливается на порожденной структуре как финальной, — в то время как удовольствие, напротив, означает (в силу перфектности удовлетворения) обрыв желания, замыкание смысла. В связи с этим в контексте постмодернизма оформляется фигура перманентного асимптотичного желания: своего рода «философскую живучесть желания» Р. Барт рассматривает именно как «обусловленную тем, что оно никак не может найти себе удовлетворения» [4, с. 510].

«Текст-наслаждение» артикулируется постмодернизмом как представляющий собой принципиально процессуальную текстовую среду

«самопорождающейся продуктивности» (Дж. В. Харрари), находящуюся «в перманентной метаморфозе», что предполагает понимание смысла в качестве «вечного потока» [14, с. 40].

Таким образом, характерная для классической философии гилеморфическая метафорика желания как креативной силы, векторно направленной на структурную и семантическую организацию (космизацию) предметности, радикально переосмысливается в постмодернизме: по определению Ф. Гваттари, «желание — это не то, что деформирует, а то, что разъединяет, изменяет, модифицирует, организует другие формы и затем бросает их» [13, с. 61].

Подвергая мета-теоретическому осмыслению данный процесс, М. Фуко пишет о том, что в настоящее время осуществляется формирование нового стиля мышления и, собственно, новой культуры. По его словам, новый фундаментальный опыт человечества «невозможно заставить говорить... на тысячелетнем языке диалектики». Новый способ видения мира нуждается и в новом языке для своего выражения, однако на данный момент, по оценке М. Фуко, новому опыту (опыту нелинейного видения мира) «еще только предстоит найти и язык, который будет для него тем же, чем была диалектика для противоречия» [12, с. 121].

Таким образом, проведенный анализ понятийно-метафорической системы постмодернистской текстологии позволяет сделать тот вывод, что в современной философии языка шлифуются понятийные средства, необходимые для адекватного описания неравновесных самоорганизующихся систем (как в свое время шлифовались в философском языке понятийно-логические средства, необходимые для описания систем динамических, а позднее — развивающихся).

Литература

1. *Барт, Р.* Гул языка / Р. Барт // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. — М. : Прогресс, 1989. — С. 541-544.
2. *Барт, Р.* Критика и истина/ Р. Барт // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. — М. : Прогресс, 1989. — С. 319-374.
3. *Барт, Р.* От науки к литературе / Р. Барт // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. — М. : Прогресс, 1989. — С. 375-383.
4. *Барт, Р.* Удовольствие от текста / Р. Барт // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. — М. : Прогресс, 1989. — С. 462-518.

5. *Бланио, М.* Опыт-предел / М. Бланшо // Танатография Эроса : Жорж Батай и французская мысль середины XX века. — СПб. : МИФРИЛ, 1994, —С. 63-77.
6. *Делез, Ж.* Логика смысла / Ж. Делез. — М.: Академия, 1995. — 298 с.
7. *Делез, Ж.* Ризома / Ж. Делез, Ф. Гваттари // Философия эпохи пост-модерна. — Минск : Красико-принт, 1996. — С. 9-31.
8. *Ильин, И. П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. П. Ильин. — М. : Интрада, 1996. — 255 с.
9. *Князева, Е. Н.* Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов // Вопросы философии. — 1992, —№ 12,—С. 3-20.
10. *Князева, Е. Н.* Сложные системы и нелинейная динамика в природе и обществе / Е. Н. Князева // Вопросы философии. — 1998. — № 4. — С. 138-143.
11. *Кристева, Ю.* Дискурс любви / Ю. Кристева // Танатография Эроса : Жорж Батай и французская мысль середины XX века. — СПб. : МИФРИЛ, 1994, —С. 101-109.
12. *Фуко, М.* О трансгрессии / М. Фуко // Танатография Эроса : Жорж Батай и французская мысль середины XX века. — СПб. : МИФРИЛ, 1994. — С. 111-131.
13. [*Guattary, F.J.* A Liberation of Desire : an interview // Homosexuālities & French literature ; ed. by G. Stambolian. — L., 1976. — P. 56-71.
14. *Harrari, J. V.* Introduction / J. V. Harrari // Textual strategies: Perspectives in post-structuralist criticism ; ed. with introd. by J. V. Harrari. — L., 1980. — 475 p.

Summary

The article is dedicated to the analysis of a modern paradigm of treating the language as a non-linear environment characterized by such parameters as disbalance, self-organisation and the existence of a creative potential (which permits us to compare post-modernistic philosophy of the language with modern natural-scientific models of non-linear dynamics).